

Научные доклады высшей школы

60

ЛЕТ
со дня
создания

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

**Главный редактор /
Editor-in-Chief**

Ю.Е. Прохоров,
д. ф. н., д. п. н., проф.

**Главные редакторы направлений/
Head editor of subject**

Базылев В.Н., д. ф. н.,
проф. (МГЛУ) – языкознание
Спиваковский П.Е., к. ф. н., доц.
(МГУ) – литературоведение

**Заместители главного
редактора / Deputy Editor**

М.А. Черняк, д. ф. н., проф. (РГПУ)
Г.В. Зыкова, д.ф.н., проф. (МГУ)

**Научные редакторы /
Science Editors**

У.М. Бахтикиреева, д. ф. н., проф. (РУДН)
И.С. Урюпин, д. ф. н., проф. (МГПУ)

**Международный редакционный совет /
International Advisory Board**

Ян Вавжиньчик, д. ф. н., проф. (Варшавский ун-т, Польша)
Б.В. Доогe, PhD (Гентский ун-т, Бельгия)
А.Д. Дуличенко, д. ф. н., проф. (Тартуский ун-т, Эстония)
М.Н. Лейдерман (Липовецкий), д. ф. н., проф.
(Ун-т штата Колорадо, Болдер, США)
М.А. Литовская, д.ф.н., проф. (National Chengchi University -
R.O.C.Taiwan и УрФУ)
В.В. Мадоян, д. ф. н., проф. (Национальный ун-т архитектуры
и строительства, г. Ереван, Армения)
В.А. Маслова, д. ф. н., проф. (Витебский ун-т, Беларусь)
И.Г. Овчинникова, д. ф. н., проф. (Ун-т Хайфы, Израиль)
З.А. Пахолок, Dr. (Восточноевропейский нац. ун-т,
г. Луцк, Украина)
М. Попова, чл.-кор. Болгарской АН, д. ф. н., проф.
М. Рубинс, д-р филол. (Лондонский ун-т, Великобритания)
И.Л. Савкина, д-р филос. (Ун-т Тампере, Финляндия)
Э.Д. Сулейменова, д. ф. н., проф. (КазНУ, Казахстан)
М.В. Тлостанова, д. ф. н., проф. (Линчепингский ун-т, Швеция)
Р. Чандлер (Лондонский ун-т Королевы Марии,
Великобритания)
Э. Фляйшманн, д. ф. н., проф. (Лейпцигский ун-т, Германия)
А. Красовски, Dr. (Бухарестский ун-т, Румыния)
А. Павленко, Dr. (Ун-т Темпл, США)
Х. Вальтер, проф. (Грайфсвальдский ун-т, Германия)

**Редакционная коллегия /
Executive Board**

Е.Н. Пенская, д.ф.н., проф. (НИУ ВШЭ) **председатель**
М.П. Абашева, д. ф. н., проф. (ПермГПУ)
Н.А. Алефиренко, д. ф. н., проф. (НИУ «БелГУ»)
В.Н. Базылев, д. ф. н., проф. (МГПУ)
И.Л. Волгин, д. ф. н., проф. (МГУ)
М.М. Голубков, д. ф. н., проф. (МГУ)
Т.Т. Давыдова, д. ф. н., проф. (МГУП)
Анна А. Зализняк, д. ф. н., гл. н. с.
(Ин-т языкознания РАН)
В.Г. Зусман, д.ф.н., проф. (НИУ ВШЭ, филиал
в Н. Новгороде)
О.А. Клинг, д. ф. н., проф. (МГУ)
Н.В. Ковтун, д. ф. н., проф. (СибФУ)
В.Г. Костомаров, акад. РАО, д. ф. н., проф.
(ГИРЯ им. А.С. Пушкина)
В.Ш. Кривонос, д. ф. н., проф. (СамГСПУ)
И.В. Кукулин, к.ф.н., доц. (НИУ ВШЭ)
Н.М. Малыгина, д. ф. н., проф. (МГПУ)
М.В. Михайлова, д.ф.н., проф. (МГУ)
И.А. Панкеев, д. ф. н., проф. (МГУ)
В.В. Перхин, д. ф. н., проф. (СПбГУ)
Е.В. Пономарева, д. ф. н. (ЮУрГУ-НИУ)
В.Н. Терёхина, д. ф. н., проф. (ИМЛИ РАН)
И.С. Хугаев, д. ф. н., вед. н. с.
(Владикавказский НЦ РАН и РСО-А)
А.А. Холиков, д. ф. н. (МГУ)
А.И. Чагин, д. ф. н., проф. (ИМЛИ РАН)
А.Д. Шмелёв, д.ф.н., проф. (ИРЯ РАН им. Виноградова)

Редакция / Editorial Staff

Шеф-редактор / Editorial Director

Л.Г. Тюрина, д. ф. н., проф.

Корректор / Proofreader

Л.В. Хохлова

Компьютерный дизайн, верстка / Designer

Т.И. Такташов

Издательство / Publishing office

**Инновационный научно-образовательный
и издательский центр (ИНОИЦ «АЛМАВЕСТ»)**

Почтовый адрес:

117342, Москва, ул. Введенского, д. 23А, стр. 3

Тел. 8 (495) 99-88-612

+7 (985) 99-88-612

e-mail: philnauki@gmail.com

URL: <https://filolnauki.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. СОЦИУМ

- Д.И. Бойович.* Эволюция лингвонима *Crnogorski Jezik*: социолингвистический и образовательный ракурсы 3

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- А.К. Киклевич.* Реализация пропозиционального аргумента: клаузальная — именная — нулевая (на примере русских эмотивных глаголов) 9
- М. Шафаги, В.Б. Иванов.* Речевой акт «просьба» в ее прямом значении в русском и персидском языках 22
- Н.В. Лукова, А.В. Гарамян.* Просодия специальных вопросов в речи греков-билингвов 29
- Н.Д. Алмадакова.* Долгий гласный [a] в глагольных словоформах тёлёсского (чолушманского) говора улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) 34
- Е.В. Милтова.* Структурные особенности терминов сферы религии (на материале английского языка) 43

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- А.К. Исламова.* Концепт-гиперреальность в романе У. Голдинга «Бумажные людишки» 47
- Б.А. Куркин.* Смысл и значение изображения чудес в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» 55
- И.А. Назаров.* Реализация мотива безумия через образ дома в произведениях Л.Н. Андреева 67
- А.И. Чагин.* «Принимая всё — за всех». О поэзии Лидии Червинской 77

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

К 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына

- Н.В. Ковтун.* «Матрёнин двор» и его корреляты в современной русской прозе 92
- В.Ш. Кривонос.* На границе миров: онтология пространства в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына 103
- М.Е. Федянина.* После бани: рассказ «Улыбка Будды» и его импликации 114

International Journal

Published 6 issues / year

Founded in 1958

Renewed in July 2013

CONTENT

LANGUAGE. CULTURE. SOCIETY

- ND.I. Bojović.* Evolution of lingvonim *Crnogorski Jezik*: sociolinguistic and educational perspectives 3

GENERAL & APPLIED LINGUISTICS

- A.K. Kiklewicz.* The implementation of propositional argument: clausal, nominal, and zero (on example of Russian emotive verbs) 9
- M. Shafaghi, V.B. Ivanov.* The Speech Act "Request" in its Direct Meaning in Russian and Persian Languages 22
- N.V. Lukova, A.V. Garamyan.* Special questions prosody in the Greek-Russian bilingual speech 29
- N.D. Almadakova.* A Long Vowel Sound [a] in Verbal Wordforms of the Teless Subdialect in the Ulagan Dialect of the Telengt Language (a Comparative Aspect) 34
- E.V. Miletova.* Structural features of the terms in the religious sphere (based on the English Language) 43

LITERATURE STUDIES

- A.K. Islamova.* The Concept-Hyperreality in the novel "The Paper Men" by W. Golding 47
- B.A. Kurkin.* Meaning and implication of miracle patterns in "Boris Godunov" tragedy by Alexander Pushkin 55
- I.A. Nazarov.* Realization of the motive of madness through the image of home in Andreyev's works 67
- A.I. Chagin.* "Accepting Everything for Everybody". Poetry by Lidyja Chervinskaya 77

SCIENTIFIC EVENTS

100th Anniversary of the Birth of A.I. Solzhenitsyn

- N.V. Kovtun.* "Matrenin yard" ("Matryona's House") and its correlation in the contemporary Russian prose 92
- V.Sh. Krivonos.* On the border of worlds: the ontology of space in "Cancer ward" by A.I. Solzhenitsyn 103
- M.E. Fedjanina.* Buddha's Smile and Its Implications 114

Почтовый адрес редакции

117342, ул. Введенского,
д. 23А, стр. 3
E-mail: philnauki@gmail.com
filolnauki.ru
Тел.: 8 (495) 99-88-612,
+7 (985) 99-88-612

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-53540
от 10 апреля 2013 г.

Учредитель и издатель

Инновационный научно-образовательный и издательский центр «АЛМABECT»

Подписано в печать 17.01.2018

Отпечатано в ООО «САМПРИНТ»

129090, г. Москва,
Протопоповский пер, д. 6.
Тел.: +7 (495) 554-37-10

Тираж 500 экз.

© Филологические науки.
Научные доклады высшей школы,
2019.

«Матрёнин двор» и его корреляты в современной русской прозе¹

Рассказ А. Солженицына стал знаковым явлением для русской словесности второй половины XX в., текст принципиален для понимания истории и поэтики художественного традиционализма, его можно рассматривать как своеобразный архетип. Особый интерес вызывают произведения, которые диалогически развернуты в сторону «Матрёнина двора» по принципу сближения и развития темы («Последний срок» В. Распутина, «Холоушино подворье» Б. Екимова, «Бабушкин спирт» М. Тарковского) или создают дискуссионное поле, где опыт «непротивления» Матрёны оспорен, появляется активный герой, способный противостоять не только бездарной власти, но и самому ходу истории. Блестящими примерами в этом отношении могут служить поздние тексты Ф. Абрамова (роман «Дом»), Л. Петрушевской («Новые Робинзоны»), В. Распутина: от рассказов «Изба», «В ту же землю...» до итоговой повести «Дочь Ивана, мать Ивана», где развернут образ бабы-богатырки, встающей на защиту своего ребенка и родной земли во времена трагической растерянности, слабости мужчин, государства в целом.

Ключевые слова: Солженицын, «Матрёнин двор», современная русская проза, архетип.

DOI 10.20339/PhS.1-19.092

Введение в проблему

В русской культуре, отличающейся литературоцентричностью, есть тексты, которые определили не только рождение новых направлений в словесности или философии (как толстовство, соловьевство, например), но стилей поведения, повлияли на судьбу целых поколений. Эти произведения (разные по уровню художественности, языкового совершенства) содержат информацию, важную для понимания современности, в них проговариваются наиболее важные вопросы, они помогают выжить человеку в истории. В основном ряду «Евгений Онегин» А. Пушкина, «Что делать?» Н. Чернышевского, тексты Ф. Достоевского и А. Солженицына. Среди произведений последнего особенно выделим эпические рассказы «Один день Ивана Денисовича» [1959; первоначальное название «Щ-854 (Один день одного зэка)»] и «Матрёнин двор» (1959, первоначальное название «Не стоит село без праведника»), с которых в отечественной литературе второй половины XX в. начинаются важнейшие художественные направления: «деревенская» и «лагерная» проза.

A. Solzhenitsyn's story became a landmark for Russian literature in the second half of the 20th century, the text is fundamental for understanding the history and poetics of artistic traditionalism, and it can be regarded as a kind of archetype. Particular interest is aroused by works that are dialogically in the direction of Matrenin Yard on the principle of rapprochement and development of the topic (*The Last Term* by V. Rasputin, *Holyushino Compound* by B. Yekimov, *Grandma's Alcohol* by M. Tarkovsky), or creating a discussion field, in which the experience of "non-resistance" Matryona challenged, there is an active hero, able to resist not only incompetent power, but also the course of history. There are the best examples in this respect: the late texts of F. Abramov (novel *The House*), L. Petrushevskaya (*The New Robinsons*), V. Rasputin: from the stories *Hut*, *In the same land...* to the final story *The Daughter of Ivan*, the mother of Ivan, where the image of a women-bogatyrka, who stands up for the protection of her child and land in times of tragic confusion, weakness of men, the state as a whole in unfolded.

Keywords: Solzhenitsyn, "Matrenin Yard" ("Matryona's House"), contemporary Russian prose, archetype.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на Международной научной конференции «Читая Солженицына», посвященной 100-летию со дня рождения писателя, прошедшей в сентябре 2018 г. в Институте русского языка, истории и культуры при Северном университете Вермонта (Northern Vermont University), Линдонвилль, Вермонт, США.

В статье мы будем рассматривать сюжет «Матрёнина двора» как *архетипический*, важный для понимания истории и поэтики художественного традиционализма в целом (от «деревенщиков» до «новых реалистов»). Вместе с «Одним днем...» и «Захаром Калита» (1965) текст воссоздает образы сокровенных героев писателя: *крестьянский праведник* (образ Матрёны), *каторжанин* (судьба Ивана Денисовича Шухова) и *святой воин*, воплотивший сам дух родной земли (образ Захара-Калиты). Только рассказу «Матрёнин двор», пробудившему в советской литературе интерес к *национальной истории*, классическим темам *дома, праведности, родовой земли*, посвящены целые исследования. Изображая русский мир в ретроспекции лагерных будней или нищей провинции с вымирающим народом, художник подчеркивает трагический контраст между абсурдностью бытия и нравственной одаренностью избранного героя. Ссылаясь на авторитет Ницше, Р. Темпест назовет Матрёну, Ивана Шухова «ценными людьми» [1. С. 280].

Среди работ, посвященных анализу рассказа, выделяются *несколько направлений*. Наиболее устойчива точка зрения, рассматривающая «Матрёнин двор» как «сотворение русской иконы», где образ героини подчеркнута *сакрализован* [2]. «Твардовский, обладающий отменным словесным слухом, сразу стал именовать рассказ “Праведница”» [3. С. 426]. Развивая эту параллель, уточним, в русской духовной традиции образ *дома* коррелирует с образом *церкви*, символический ряд может быть расширен понятиями *обители, жилища, «святого двора», пристанища, отечества* [4. С. 14–15]. Категория дома небесного «внедрялась» в земную сферу жизни и придавала феномену Дома *трансцендентальные* качества, которые до конца в земном бытии не постигаются. Описывая феномен дома как объекта художественного осмысления, Ю. Лотман подчеркивает: «Его географические координаты и связанные с ним пространственные понятия становятся материалом для построения культурных моделей с не только пространственным, но и религиозно-моральным содержанием» [5. С. 112]. Исходя из этого, особым смыслом наделяется само название «Матрёнин двор», отсылающее к храмовой символике.

Специальные статьи посвящены литературным реминисценциям, связям текста с отечественной литературой XIX в. [6]. Отдельного упоминания заслуживают исследования, включающие образ Матрёны в парадигму классических женских образов, ставших воплощением Души Руси: Татьяна Ларина, Ольга из романа «Обрыв» И. Гончарова, Анна Каренина... В свою очередь образ крестьянки важен для понимания *темы праведности, юродства* в сегодняшней литературе. Премниками Матрёны в современной прозе стали Баба-Яга из одноименной повести А. Яшина, Евдокия-великомученица и Лиза Прялина из романа «Дом» (1973–1978) Ф. Абрамова, великие старухи В. Распутина, бабушка В. Астафьева, старица Таисья в «Скитальцах» (1986) В. Личутина и его же «крылатая Серафима» из одноименной повести, вплоть до милосердных старух М. Тарковского.

«Матрёнин двор» в контексте современного традиционализма

Учитывая богатейший опыт изучения рассказа А. Солженицына, мы рискуем сфокусировать поле исследования на *актуальных текстах*, которые диалогически развернуты в сторону «Матрёнина двора» по принципу *сближения* с его основной идеей (таковы «Последний срок» (1970) В. Распутина, «Холюшино подворье» (1979) Б. Екимова, «Бабушкин спирт», «Фундамент», «Ледоход» М. Тарковского) или создают *дискуссионное поле*, в котором опыт «непротivления» Матрёны оспорен, появляется активный герой, способный противостоять не только бездарной власти, жестокости общинных законов, но и самому ходу истории. Показательны в этом отношении поздние тексты Ф. Абрамова (рассказ «Бабилей», роман «Дом», финализирующий тетралогию «Братья и сёстры»), В. Распутина (от рассказов 1990-х до итоговой повести «Дочь Ивана, мать Ивана», 2003), где выведен образ *бабы-богатырки*, встающей на защиту своего ребенка, земли во времена трагической растерянности, слабости мужчин, государства в целом [7]; и «Новые Робинзоны. Хроника конца XX века» (1991) Л. Петрушевской. Подчеркнем, названный ракурс рецепции текста: от диалога до

жесткой полемики — в случае Л. Петрушевской — свидетельствует о значимости наследия А. Солженицына для литературы рубежа XX — XXI вв., запечатлевшей распад цельных политических, нравственных, религиозных, культурных смыслов. Именно этому настроению всемирно-исторической энтропии и противопоставил себя мастер.

Актуальность идей А. Солженицына для авторов-традиционалистов подчеркнута неслучайно. Во-первых, сам Александр Исаевич считал их прозу художественно, идеологически близкой, в отличие от авангарда, который (и тут А. Солженицын близок к Б. Гройсу) вымостил дорогу революционным переворотам XX в. На вручении премии В. Распутину в 2004 г. он назовет этих писателей «*нравственниками*». Современная критика по достоинству оценила утопические искания новых «почвенников», в текстах которых восстановлены целые пласты отечественного средневековья, и если Б. Гройс нашел, что они оппозиционны постмодернизму, то Р. Эшельман, напротив, включил «Матрёнин двор» в постмодернистскую парадигму [8. С. 494].

Во-вторых, сами традиционалисты утверждают значимость для себя прозы А. Солженицына. С повестей, романов, публицистики писателя начинается «новое летоисчисление в нашей литературе», — свидетельствует А. Твардовский, в центр внимания встает «простой советский человек», отличающийся от плакатных героев ортодоксальной прозы. М. Геллер в рассказах А. Солженицына усматривает начало художественной концепции новой русской литературы: «После Ивана Денисовича к читателю пришли герои “Случая на станции Кречетовка”, пришла Матрёна, породившая всю позднейшую “деревенскую” литературу» [9. С. 8]. В. Захаров отмечает, что само присутствие А. Солженицына, а вслед ему и писателей-«деревенщиков» «меняет значение и содержание того, что мы привыкли называть русской литературой» [10. С. 409]. Ж. Нива доказывает, что главные темы писателя — «крестьянский народ, деревенский праведник» [11. С. 118]. А. Солженицын раскрывает иные источники духовной стойкости людей (аскетизм, преданность «своей» вере, внутренняя сила и мужество), восстанавливает исконные нравственные ценности бытия. Макрокосмической утопии Всемирного города он противопоставил утопию микрокосмоса — *избу*.

«Матрёнин двор»: pro et contra

Пожалуй, одной из самых близких по интонации, проблематике к рассказу «Матрёнин двор» оказалась повесть В. Распутина «Последний срок», где портрет (полный аскетизма), внутренний склад главной героини — умирающей старухи Анны, ее сокровенная связь с домом, природным миром, духовное одиночество... напрямую отсылают к судьбе Матрёны. На некое единство женских образов указывают в том числе имена: Матрёна как мать-матрона, Анна сочетаются в философии имени П. Флоренского с *Софией Премудростью*, их отличает погружение в область нравственных переживаний, устремленность к небесной гармонии, возвышенность сознания [12]. Во многих текстах В. Распутина образ мудрой старухи становится *иконическим*, выступает, говоря словами У. Эко, «кодом узнавания», когда софийная образность указывает на скрытые, метафизические смыслы [13. С. 160].

Повесть «Последний срок» демонстрирует изменения всего русского мира. Судьба героини, как и Матрёны, сколь бы высока она ни была, не вписывается в актуальную историю, старуха признается соседке Миронихе: «Теперичи другой век идет, не наш». Духовный опыт Анны некому передать, дети, уезжающие в город, отчуждаются от родовой памяти, традиции, стремятся адаптироваться к новому укладу любой ценой. Обращение к принципам *иконографии* передает стремление В. Распутина создать «идеальный» текст, вынести его за пределы имперского нарратива, подчеркнув значимость крестьянства, провинции для национального самосознания, что отвечает и замыслу А. Солженицына.

Несколько позже повести В. Распутина выходят целый ряд текстов, *оспаривающих* идею «непротипления» Матрёны. Прежде всего, речь идет о романе «Дом» Ф. Абрамова, где показаны две противоположно сложившиеся женские судьбы: жертвенная Лизы Пряслиной и героическая строптивой красавицы Дуньки-угар. Последняя прошла вслед за мужем коммунистические стройки, колхозы,

сталинские лагеря, потеряла на войне сына, но спасла своего Калину «всем смертям назло». Жесткие, ироничные рассказы героини о лишениях и жертвах, принесенных на алтарь коммунистической идеи, оттеняют романтические иллюзии односельчан. Уже в самом названии вставных новелл — «Из жития Евдокии-великомученицы» — заключена отсылка к знаменитому апокрифу XII века «*Хождение Богородицы по мукам*» как тайному, содержащему особое знание тексту. Автор и указывает на соответствие истории героини житийному канону, и одновременно остраивает его: апокриф — отреченная, неофициальная литература, вбирающая библейскую образность и символику, которая непосредственно связана с народными верованиями и легендами. Введение элементов сакрального жанра в профанный текст создает особую атмосферу, настроение живого присутствия идеала [14. С. 406]. Тексты апокрифов, бытовавшие на уровне письменной и устной традиции, постоянно дописываются, уточняются, между текстом и миром устанавливается более тесная связь, чем в варианте догматического жития.

Сама жизнь великомученицы с ее испытаниями, хождениями определяет принцип повествования, когда интерес к пережитому носит не столько автобиографический, сколько *философский* характер, как и в Житии протопopa Аввакума, который подсвечивает сюжет. Сопоставление образов строится отнюдь не по принципу веры, подчеркивается близость *неистовых натур*. Героическая суровость протопopa импонировала — как миссия одинокого пророка-обличителя, самому автору, считавшему себя мучеником (очерк В. Распутина «На Лене-реке»). Из дня сегодняшнего Евдокия выражает собственное отношение к событиям революции, демонстрируя трезвый, по-крестьянски основательный взгляд на тогдашних героев, которые лишаются романтической ауры, выглядят «голыми», фиктивными, смешными. И только жалость, сострадание Великомученицы возвращают им статус бытия. Необыкновенную «трезвость рассудка», высоту нравственного чувства особенно ценил в своих крестьянских героях и А. Солженицын. Этот «эгоцентризм настоящего» (термин Д. Лихачёва) служит актуализации времени, полное событий время рассказа Евдокии отменяет застывшее, лишённое смысла календарное время повествования (нарратива). Оно перестает быть только последовательностью дат, но становится длительностью духовной жизни, соединяется с вечностью.

Зеркальной противоположностью судьбы «неистойой» Дуньки-угар становится образ смиренной, терпеливой Лизы Прыслиной, согласившейся, как и Матрёна, на раздел родовой, ей завещанной избы, и погибшей под оборвавшимся с крыши охлупнем Конька — древнего оберега. Судьба Лизы содержит узнаваемые мотивы: исчезновение неверного мужа Егорши (как несостоявшегося Егория Храброго), долгая бездетность, одиночество, отчуждение близких... В контексте агиографической традиции имя Лизавета особенно значимо: в некоторых вариантах духовного стиха об Алексее, Божьем человеке, популярном среди бродячих старцев и калек переходящих, невеста и жена святого названа то Катериной, то Лизаветой [15. С. 320–321]. В этом свете отступление героини от дома как малой Церкви, в которую она когда-то вдохнула жизнь (мотивы чистоты, уничтожения городских обоев, досаждавших еще Матрёне, восстановления старинной утвари), выглядит глубоко трагично. Если пафос житийного рассказа Евдокии как «текста в тексте» — жесткое отстаивание ценностей самой жизни, которые попораны поборниками утопической идеи, то «профанный» текст, повествующий о настоящем положении русской глубинки, строится на идее распада, исчезновения прежних родовых и социальных связей, «ухода» из дома/храма святых, их гибели или перерождения. Мотив *опустошения икон*, намеченный в литературе XX в. «Погорельщиной» Н. Клюева, становится одним из магистральных в прозе традиционализма.

«Имба» В. Распутина: продолжение или опровержение идеи А. Солженицына?

На наш взгляд, своеобразный итог *судьбы патриархального человека*, выброшенного из дома-храма на перекресток истории, демонстрируют несколько произведений, одно из самых ха-

рактерных — текст В. Распутина «Изба» (1999), диалогически развернутый и в сторону собственного творчества автора. Фабула рассказа начинается там, где заканчивается повествование А. Солженицына (как претекста). Крестьянка Агафья, чей образ дублирует описание старухи Анны из «Последнего срока», перевозит из «утопленной» деревни избу на тракторе. Как и в рассказе А. Солженицына, дом не дается несколько недель, мешают то стихии, то болезнь хозяйки. Описание самой избы, с которого начинается рассказ, до деталей повторяет усадьбу Матрёны. Женщины сближаются и портретно — одежда темных тонов, мужские атрибуты: кирзовые сапоги, телогрейка, указывающие на своеобразный трансвестизм, свойственный и подвигу *юродства*. На теле Матрёны незаживающие раны от тяжелой работы, напоминающие *стигматы*: «Спина у меня никогда не заживает», — признается она [16. С. 121]. Стигматы не были целью святых, но скорбь за несовершенство мира получала подобное воплощение. *Схимницей* предстает и Агафья, свободная от любых привязанностей, кроме приверженности к родной старине, дому. Героиня говорит «с хрипотцой», она «плюнула на женщину в себе, рано сошли с нее чувственные томления», зато легко справляет «любую мужскую работу» [17. С. 359].

Важнейшим приобретением Матрёны перед смертью становится *пальто*, перешитое из железнодорожной *шинели*, в подкладку которого она и прячет скопленные на похороны деньги. Образ сохраняет гоголевские коннотации. За фигурой крестьянки маячит тень «маленького человека» — *акакия*, которая есть пыль под ногами сильных мира сего. Во время раздела избы героиня надевает лагерную телогрейку Игнатича, и он «с неудовольствием» упрекает: «Телогрейка эта была мне память, она грела меня в тяжелые годы» [16. С. 135]. Покорность Матрёны, отсутствие внутренней твердости, что есть у рассказчика — бывшего ээка, этим жестом и подчеркнуты. Разумеется, сказанное никак не умаляет нравственной высоты, внутренней деликатности героини, но проливает свет на причины обреченности судьбы. И, напротив, Агафье мужская телогрейка приходится впору, она свою избу доглядывает даже из пределов небытия, обернувшись домовым: «Ниче, я сама буду домовым», — решает она [17. С. 385]. В идею перевоплощения героини сохраняют веру не только крестьяне (наивные), но и всезнающий рассказчик, что придает тексту *визионерский характер*. Агафья бросает вызов уже не только власти, законам общежития, но самому Хроносу. Заметим, мотив посмертного прощания Хозяйки с домом намечен и в рассказе А. Солженицына, Игнатичу кажется — «как будто Матрёна невидимо металась и прощалась тут, с избой своей» [16. С. 139].

Судьба Агафьи в основных сюжетах повторяет бытие героини А. Солженицына: обе больны, оставлены близкими, пропадают их мужья, причем и тот и другой носят имя Ефим. Муж Агафьи даже назван Чапаем, чтобы закрепить указанный параллелизм. Женщины подчеркнута одиноки: «К сорока годам осталась Агафья в родительском доме одинешенька» [17. С. 358], ведут жизнь, свободную от государства. Матрёна не получает пенсии, Агафья выживает за счет натурального хозяйства. Усадьбы крестьянок отделены и удалены от чужого пространства, сохраняют внутреннюю целостность.

Двор Матрёны одновременно напоминает *ковчег* и *сказочный терем*. Эти черты воплощены и в избы Агафьи, но стержневым прототипом для последней становится *мистический Китеж град* как перекресток миров, где души находят пристанище перед дальним странствием. Как у Матрёны, так и у Агафьи есть личная утопия: для первой это дореволюционное прошлое, в котором они с Фаддеем любили друг друга, для второй — бытие в обреченной под затопление деревне Кривоулицкой, описание которой напоминает рай — «счастливое пространство» (в рамках теории Г. Башляра [18]). Писатели подчеркивают внутреннюю одаренность своих героинь, их бесстрашие, восходящие к классическому образу из поэмы Н. Некрасова: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...» [19. С. 15]. Молодая Матрёна повторяет подвиг буквально: конь «стиховой какой-то попался. Раз с испугу сани понес в озеро, мужики отскакивали, а я, правда, за узду схватила, остановила» [16. С. 124]. Агафья же не имеет равных в гонках на шитиках по бурной Ангаре: «На такой воде всех мужиков обойти... если бы еще 250 лет простояла Кривоулицкая, она бы этого не забыла» [17. С. 359]. В национальной фольклорной традиции коня зачастую заменяет ладья как

свидетельство неограниченных возможностей молодца. Обе героини, униженные современной историей, лишённые семьи, земли, детей, принадлежат уже не историческому, но «осевому времени» (по К. Ясперсу), в которое закладывались духовные основы культуры последующих тысячелетий.

Мотив строительства дома как храма: варианты воплощения

Если сюжет рассказа «Матрёнин двор» строится вокруг *гибели* дома/храма, то действие «Избы», напротив, определяет идея *возрождения*. Домостроительство в этом контексте предполагает внутреннее *самоустройство* личности. Будучи соотнесен с осью, стержнем мироздания, дом (Древо Мировое) определяет и порядок жизни окрест, подобно тому, как храмовое действо проливается за границы храма, преобразуя внешнее бытие. История, когда женщина в одиночку возводит дом, в русской литературе не нова. В рассказе «Майка-плотник» Ф. Абрамова (цикл «Трава-мурава») героиня начинает плотничать в войну, вырастая затем в настоящего мастера. И Агафья берется за строительство избы вынужденно, пытаясь успеть до холодов. Случайные прохожие, пораженные ее упорством, остаются в помощниках: кто на час, кто до вечера. Однако настоящей опорой героини становится мастер Савелий, мистический союз персонажей венчает возведение избы: «Можно сказать, что зачали ее, голубушку, осталось выносить да родить». Тоска по работе уподоблена любовному томлению: «Только одно и знала Агафья — скорей, скорей к избе, только там она и успокаивалась» [17. С. 378]. Женское тело, предназначенное рожать и вскармливать, развоплощается: «Она перестала чувствовать свое тело, оно затвердело в грубое и комковатое орудие для работы» [17. С. 378]. И, напротив, Савелий работает без суеты и надрыва, инструменты, вещи в его руках преображаются. Богородноуновенность мастера подчеркнута эффектом *люминофании*. Он привозит сырой тес для крыши дома Агафьи, «а как лег доска к доске на два блестящих, играющих белизной и новизной ската <...> — будто свет заструился над избой» [17. С. 382].

Образ Савелия, оформленный световой символикой, противоположен inferнальной фигуре Фаддея, что подчеркнуто на всех уровнях текста: от внешних характеристик до атрибутов и языка. Если угроза «черного» старика зарубить брата и Матрёну 40 лет пролежала «в углу, как старый тесак, — а ударила-таки...» [16. С. 140], то Савелий даже с инструментами ласков: «И, оставляя дело, не воткнул топорик в чурку, а ласково положил поверх доски» [17. С. 370]. На протяжении всего повествования мастер украшает избу: «Агафье Савелий заменил на новые все табуретки и лавки, вся изба пропахла сладким смоляным духом» [17. С. 390]. Разнообразные таланты персонажа, изготовление вещей ассоциируются с апотропической защитой, но в условиях «домостроительной богооставленности» она не действует. Савелия, уехавшего в город, «в несколько месяцев загрыз рак». «Уход» мастера открывает дорогу «архаровцам» — «последней сволочи, чтобы пожирать растения солнца и портить изделия мастеров» (А. Платонов).

Перед отъездом в город Савелий дарит Агафье удивительной красоты курятник — «с широкой столешницей, на которой удобно вести стряпню, с узорной, радующей глаз решеткой, с длинным и узким корытцем, долбленным из березы» [17. С. 390]. Образ курятника отсылает к жилищу юродивого Богодула в «Прощании с Матерой» (1976), который прямо назван «*курятником*». Барак стоит отдельно от деревни, пуст, туда не проникают чужие, это амбивалентное пространство, откуда открывается выход в неназываемое. В славянской мифологической традиции петух соединен с солярно-огненной, брачно-сексуальной символикой. Пограничное существование птицы, равно принадлежащей дню и ночи, свету и тьме, подчеркивает переходный «характер» как барака, напоминающего ковчег, так и избы Агафьи, совмещающей признаки *дома* и *домовины*. Здесь стоял «какой-то древний, словно бы и не человеческий» запах [17. С. 395], переступившие порог «сразу оказывались в другом мире», где «неслышно и согласно беседуют одни только души» [17. С. 357]. Никто не ищет в избе пристанища, судьба сама «сталкивает и направляет сюда», как приготавливает к долговому безблагодатному пути. Подчеркнем, и усадьба Матрёны встает перед Игнатичем как

будущим проповедником, скитавшимся по «пыльной горячей пустыне», подобно указанию свыше: «Но я уже видел, что жребий мой был — поселиться в этой темноватой избе», где письменный стол да «суровая койка отшельника» [16. С. 116].

В противовес мастеру Савелию, все, что создает Агафья, лишено «сердечной красоты»: «Ни одному-то сердечному делу она не научилась», — замечает рассказчик [17. С. 392]. Красота отвлекает от подвига созидания дома как храма, чудо должно принадлежать заскорузлой материи, преобразовать ее. В Распутин оспаривает известный тезис Ф. Достоевского о спасительности Красоты — в мире, где гибнет природа, оставлена родовая земля, путь к Богу заказан. Поиск исхода идет в другом направлении. Обычное течение бытия: от жизни — к смерти заменяется на иной вектор: от смерти — к инобытию как продолжению, усилению чувства жизни, что подтверждено судьбой Агафьи, и после смерти досматривающей за своей усадьбой: «Если же кто из приходящих заглядывал в избу, то замечал, что изба прибрана, догляд за ней есть» [17. С. 398].

Исключительность избы подчеркнута и ее положением, она «стояла как на пупке, и видно было от нее на все четыре стороны света», это абсолютный верх, начало мироздания. Над крышей дома «висело тонкое, прозрачное зарево из солнечного и лунного света», однако вид, открывающийся из окон, тоскливый, «мерклый»: «Отсюда могло показаться, что изнашивается весь мир, — таким он смотрелся усталым, такой вытершейся была даже и радость его» [17. С. 398]. Пейзаж «вытершегося», «тусклого» места, будто битого молью, знак отступничества. В Библии обветшание ждет противников слуг Божиих, «моль съест их» (Ис. 50:9). Если изба Агафьи обращена ввысь, то мир окрест погружен в темноту, бездну самоутраты: «И стала год от году ужиматься в поселке жизнь», «а потом и вовсе ахнула оземь... и покaleчилась так, как никогда еще не бывало». Та же антиномия сакрального и профанного маркирует структуру рассказа «Матрёнин двор»: от пространственных характеристик до системы персонажей (юродница Матрёна и «черный» Фаддей). Окрест избы праведницы бушуют стихии, метель (дуель), символизирующая, по народным поверьям, бесовскую силу [см.: 20. С. 194], но пока жива Матрёна (Матрона — Богородица), мир (уже больной, ущербный) удерживается у последней черты. Гибель Хозяйки актуализирует мотивы хаоса, сумасшествия, апокалипсиса.

Переходный характер избы Агафьи как вместилища Души (автор признавался, что Агафья — воплощение его души, что отчасти объясняет ее брутальность) делает ее непригодной для нужд малой жизни. В ограде «дети не табунились». Важнейшим символом дома как природного (а не ритуального) храма, аналога Мирового Древа, становится «матерый» пень, «по колена высотой», на котором Агафья полюбила сидеть, подобно домовому:

«До самой смерти, глядя на этот пень, присаживаясь на него и отирая тряпочкой от грязи и пыли, жалела Агафья, что нет у нее внуков мал мала меньше, которые с восторгом, криками и ссорами, отталкивая друг друга, громоздились бы на пень и в конце концов умещались бы на нем все, сколько бы их не было» [17. С. 366].

В критике образ пня трактуется как усеченное Мировое Древо, надлом вертикали — примета *апостасии*. В контексте рассказа, однако, убедительнее иная версия: пень как перевернутое Мировое Древо, крона которого уходит не к опустевшему Небу, но вглубь родовой земли, где и сокрыт град Китеж. Мотив побега в недра земли-Матушки в поисках смысла — один из ключевых в современной прозе: от текстов В. Распутина, В. Маканина («Лаз») до Л. Петрушевской, герои которых роют подкопы, лабиринты, лазы, могилы, пытаясь вернуться из-под колес Истории.

«Матрёнин двор» в рецепции прозы конца XX–XXI веков

Мистериальная версия дома как храма, развернутая в рассказе «Изда» В. Распутина, занимает срединное положение меж крайними рецепциями рассказа А. Солженицына, представленными в текстах Л. Петрушевской («Новые Робинзоны...») и М. Тарковского («Фундамент», «Ледоход»). В названных произведениях *цивилизированные странники* пытаются спастись от катастрофы, об-

рести смысл вдали от «гремливой цивилизации», они уходят в тайгу, ищут необитаемые острова, роют пещеры... В «Новых Робинзонах» в «глухую и заброшенную» деревню бегут «самые хитрые» из выживших, однако все попытки домостроительства обречены. Ни нравственное самостояние героини, ни возделывание «своего сада» не спасают от ужаса перед будущим. Сама деревенька на речке Мор ассоциируется с мифологическим образом страны мертвых, отграниченной водами Стикса [21. С. 223], заселена полусумасшедшими старухами, занятыми исключительно поддержанием физического существования. Окрест пустых изб — нищие огороды, где сажают по полведра картошки. Сам дом, с которого должна начаться «новая» жизнь беглецов, «куплен как бы на развал», работа главы семейства по обустройству хозяйства носит воровской характер: «Отец активно шурувал по соседским заколоченным домам» [22. С. 141]. Образ «неугомонного хромого отца», захватывающего чужие усадьбы, вызывает ассоциацию с Фаддеем А. Солженицына, его усердие граничит с безумием. Параллели с рассказом «Матрёнин двор» можно продолжить и на сюжетном уровне: крестьяне Л. Петрушевской тоже заготавливают торф, отправляются в город за пенсией.

Если в творчестве А. Солженицына деревенский дом — последнее пристанище, ковчег, где собираются люди и твари: коза, кошка, даже тараканы, то в рассказе Л. Петрушевской образ соотносится с *домовиной* или *звериным логовом*, здесь каждый в свой черед становится добычей. Полубезумные старухи приносят «бегунам» мертвого поросенка, убитую козочку, но и это никак не спасает от голода. Более уверенно Робинзоны чувствуют себя в пределах дороги, что не ассоциируется с мотивом спасения, скорее, с отсрочкой неизбежного. Все, кто уходит из деревни, умирают, спиваются или сходят с ума, однако и те, кто остаются, обречены. Надежды на обретение града Китежа или Беловодья вдали от государства признаны несостоятельными. Из символа духовного объединения дом превращается в «последний угол», где пытаются укрыться от опасностей «внешней» жизни, но только попадают в иные конфликтные ситуации.

«Внешнее» пространство цивилизации, ассоциируемое с гибелью, утрачивает принципиальное отличие от «внутреннего» (дома-души), граница между ними отсутствует. Владения смерти постоянно расширяются, пределы дома уже не могут сдерживать наступление голода и холода: «Вокруг нас простирался холодные пространства» [22. С. 150]. Последовательное вытеснение человека из пределов обитаемого пространства (города, дома, дороги) свидетельствует о его принципиальной неукорененности в мире, который сам же человек и приговорил. Петляние героев из топоса в топос, в каждом из которых они обречены, приравнивается автором к разрушению онтологических основ бытия, распылению личности. Без дома-пристанища персонажи не могут существовать, ибо жизнь окончательно превращается в ничто, лишается последних «опознавательных» примет. В «вывернутом» бытии невозможно ничего создать, уберечь, запомнить. «Летние будни» героев: «сенокос, прополка огорода, окучивание картофеля, и все в одном ритме» («ладе», по В. Белову) не возвышают дух, даже не обеспечивают жизнь, а сталкивают в первобытность, приводят к энтропии. Л. Петрушевская отказывает героям в праве на «внутреннюю эмиграцию». Жестокий, безумный мир настоящего, открывшийся за границами «своего» пространства, представлен в рассказе *общей судьбой человечества*. Боль, ужас, страх, разочарования, как и надежда, признаются Л. Петрушевской неизменными составляющими человеческого бытия.

В этом контексте опыт сибирского автора М. Тарковского, осознающего себя наследником традиционалистов, прямо обратен. Его герои-интеллигенты оставляют город и отправляются в тайгу, где им открывается та самая «кондовая» Русь: первозданная, «не обезображенная нашими ошибками», словами А. Солженицына. Процесс современного кочевья автор не драматизирует, он если и не принимает существующего положения дел, то вполне осознает бесперспективность противостояния логике истории, смене формаций. Для М. Тарковского важно сохранить память, прежние связи между деревенскими людьми, так намечается мотив *укрытия*, собрания в путь, контекстуально отсылающий к идеологии старообрядческой секты «бегунов», в рамках которой и оформилась легенда о Беловодье.

В рассказе «Ледоход» история тети Нади подсвечена судьбой Матрёны. Героиня «одна как палец». Ее муж погибает на войне, умирает дочь, родовая деревня разорена, «зарастает лопухами и крапивой». В усадьбе на берегу Енисея собирается последняя живность: кошки, «петух с двумя курицами», собака и лошадь Белка. Дом-ковчег, однако, «приходил в негодность, разваливался, садился, напоминая тонущий корабль, и жить в нем становилось опасно» [23. С. 26]. Помощь приходит как раз от *цивилизованных странников*, работающих в экспедиции, за чей счет и отстраивают новое жилье. «Тетя Надя заботилась об одном: чтобы все в новом доме было как в старом», сама украшает постройку, разрисовывает ставни. Идея «вечного возвращения» оправдывается: «Было полное ощущение, что это ее старый дом — так сумела она перенести сюда всю прежнюю обстановку». Заканчивается текст картиной ледохода — символа воскресения, тетя Надя, «звонко выкрикивая и крестясь, бежит с ведром под угор, кланяться Батюшке-Анисею в пояс. Дожила...» [23. С. 29]. И котелок с водой не теряется, как у Матрёны, но обещает гармоничное существование посреди природы как храма.

Вместо заключения

Итак, рассказ «Матрёнин двор», ставший неким символом, архетипом крестьянской Руси, чудесным образом выжившей на обочине цивилизации, вызывает подчеркнутый интерес в периоды, когда осознается угроза национальным ценностям. Современные традиционалисты разрабатывают свои версии «избяного рая обороны». Одни из них верят в действенность патриархальных идеалов, трезвый крестьянский ум и волю, как в случае Дуньки-угар Ф. Абрамова или Холюши Б. Екимова. Другие уповают на силу *пророческого Слова*, которому подвластны и пределы смерти. Таковы Агафья и Пашута (рассказ «В ту же землю...») из текстов В. Распутина. По сути, героини, отказавшиеся от прежней обрядовости, ортодоксальной веры, открывают новый ритуал, закликают судьбу вещим словом («Сама себе буду домовым!»). Писатели предлагают и более радикальные меры: от поиска града Китежа до применения колючей проволоки, которой обносят «счастливое пространство» — колхоз — в повести Б. Екимова «Пиночет» (1999). На уровне поэтики важной задачей здесь становится *оправдание идеального*, вторгающегося в реалистические тексты, ставящего под сомнение действительность мимесиса. Наконец, художники-«оппозиционеры», демонстрирующие неизбежность цивилизационных изменений, обреченность патриархальных ценностей, придерживаются иных стратегий: от иронической остраненности от истории (как формы свободы от нее) до утверждения трагичности человеческого бытия вообще, как в рассказе Л. Петрушевской.

Писатели, отстаивающие идеальное, делают это с опорой на *сон* или *видение* (как в текстах А. Солженицына [24], В. Распутина), на образы *воспоминаний* о прошлом, детстве («Лад» В. Белова, ранние тексты В. Астафьева), наконец, в надежде *на чудо*, дарованное страстотерпцу, совершившему паломничество к пределам тайны (Беловодье в романе «Скитальцы» В. Личутина, град Китеж, подсвечивающий остров Матёра в повести В. Распутина). Отдельность избранного пространства «остальному миру» обеспечивается в том числе его *удаленностью* и *замкнутостью* (дом Матрёны, усадьба Холюши, изба тети Нади М. Тарковского), *островным* положением (Сладкий остров А. Яшина, Матёра В. Распутина, Беловодье В. Личутина, Боганида В. Астафьева). Когда избранное пространство лишается естественной защиты, окрест возводятся искусственные границы, переход через которые жестко карается, что и демонстрирует повесть «Пиночет». Избранные пределы пытаются отстоять силой, сопротивление получает статус *Возмездия*, для чего призываются волевые, бесстрашные герои, не боящиеся нарушить прежний устав. Таковы персонажи поздних текстов В. Распутина (от богатырки Пашуты до Тамары Ивановны из итоговой повести).

Авторы, демонстрируя оствяание духовности и веры, беспомощность культуры перед мировым злом, не отвергают их для себя, традиционалистская проза сохраняет миромоделирующее содержание, но теперь оно дополняется элементами мистификации, откровенной игры или надежды на чудо. Героические личности, подобные Дуньке-угар или Тамаре Ивановне, неслучайно появляются

в пространстве деревни, где еще жива остаточная память о богатырском прошлом, значит, сохраняется сама возможность ответа на брошенный историей вызов, на возвращение к онтологическим ценностям; с истечением надежды, гибелью пассионариев, усиливаются мотивы эскапизма, поиски «своего» места переносятся из истории в иные пределы (мир смерти, мистические дали, священные города). В пространстве истории процесс оставления родовых поместий, переселение из чистых, вековых домов в бараки, баньки, кочегарки, подвалы, пещеры... символизирует онтологическую бездомность современного человека, обреченного на вечное кочевье, игру с симулякрами, итогом чего и становится эффект «усталой» цивилизации, против которой восстал А. Солженицын.

Литература

1. Темпест Р. Солженицын — писатель XXI века / Путь Солженицына в контексте Большого Времени. Сб. памяти. 1908–2008. М.: Русский путь, 2009. С. 277–292.
2. Джексон Р.Л. «Матренин двор»: Сотворение русской иконы // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика 1974–2008: Сб. ст. М.: Русский путь, 2010. С. 547–557.
3. Петрова М. Первый опыт работы текстолога с автором // Между двумя юбилеями. 1998–2003. Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / Сост. Н. Струве, В. Москвин. М.: Русский путь, 2005. С. 424–437.
4. Кошемчук Т.А. Русская литература в православном контексте. СПб.: Наука, 2009.
5. Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство–СПб., 2005.
6. Немзер А. Русская словесность на Матренином дворе // Солженицынские тетради. Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2014. С. 64–98.
7. Ковтун Н.В. Старуха, ангел, богатырка: генекратический миф современной традиционной прозы // Литературная учеба. 2010. № 4. С. 80–93.
8. Николсон М.А. Солженицын как «социалистический реалист» // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008: Сб. ст. М.: Русский путь, 2010. С. 476–498.
9. Геллер М. Александр Солженицын. М.: МИК, 1989.
10. Захаров В. О глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского // Между двумя юбилеями. 1998–2003. М., 2005. С. 409–414.
11. Нива Ж. Солженицын / пер. с фр. С. Маркш в сотрудничестве с автором. М.: Худож. лит., 1992.
12. Флоренский П. Имена. М., 1998.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 2004.
14. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
15. Бессонов П.А. Калики переходящие: сб. стихов и исследование. М., 1861–1864. Вып. I–VI.
16. Солженицын А. Рассказы. Малое собрание сочинений. М.: ИНКОМ, 1991.

References

1. Tempest R. Solzhenitsyn — pisatel' XXI veka / Put' Solzhenitsyna v kontekste Bol'shogo Vremeni. Sb. pamiati. 1908–2008. Moscow: Russkii put', 2009. S. 277–292.
2. Dzhekson R.L. «Matrenin dvor»: Sotvorenie russkoi ikony // Solzhenitsyn: myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaia kritika 1974–2008: Sb. st. Moscow: Russkii put', 2010. S. 547–557.
3. Petrova M. Pervyi opyt raboty tekstologa s avtorom // Mezhdumia iubileiami. 1998–2003. Pisateli, kritiki, literaturovedy o tvorchestve A.I. Solzhenitsyna: Al'manakh / Sost. N. Struve, V. Moskvina. Moscow: Russkii put'. 2005. S. 424–437.
4. Koshemchuk T.A. Russkaia literatura v pravoslavnom kontekste. St.-Petersburg: Nauka, 2009.
5. Lotman Ju.M. O russkoi literature. Stat'i i issledovaniia: istoriia russkoi prozy, teoriia literatury. St.-Petersburg: Iskusstvo–SPb., 2005.
6. Nemzer A. Russkaia slovesnost' na Matreninom dvore // Solzhenitsynskie tetradi. Materialy i issledovaniia. Moscow: Russkii put', 2014. S. 64–98.
7. Kovtun N.V. Starukha, angel, bogatyarka: genekraticheskie mif sovremennoi traditsionnoi prozy // Literaturnaia ucheba. 2010. No. 4. S. 80–93.
8. Nikolson M.A. Solzhenitsyn kak «sotsialisticheskie realist» // Solzhenitsyn: Myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaia kritika: 1974–2008: Sb. st. Moscow: Russkii put', 2010. S. 476–498.
9. Geller M. Aleksandr Solzhenitsyn. Moscow: MIK, 1989.
10. Zakharov V. O glubinnikh sovpadeniiakh Solzhenitsyna i Dostoev-skogo // Mezhdumia iubileiami. 1998–2003. Moscow, 2005. S. 409–414.
11. Niva Zh. Solzhenitsyn / per. s fr. S. Marksh v sotrudnichestve s avtorom. Moscow: Khudozh. lit., 1992.
12. Florenskii P. Imena. Moscow, 1998.
13. Eko U. Otsustvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu. Moscow, 2004.
14. Kliuchevskii V.O. Drevnerusskie zhitia sviatykh kak istoricheskii istochnik. Moscow, 1871.
15. Bessonov P.A. Kaliki perekhozhie: sb. stikhov i issledovanie. Moscow, 1861–1864. Vyp. I–VI.
16. Solzhenitsyn A. Rasskazy. Maloe sobranie sochinenii. Moscow: IN-KOM, 1991.

17. Распутин В. Собр. соч.: в 4 т. В ту же землю: Повесть, рассказы. Иркутск: Изд. Сапронов, 2007. Т. 4.
18. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
19. Некрасов Н. Мороз, Красный нос. М.: Амфора, 2011.
20. Эпштейн М. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии XVIII–XX вв. Самара: БАХРАХ-М, 2007.
21. Маркова Т. Современная проза: конструкция и смысл. М.: МГОУ, 2003.
22. Петрушевская Л. По дороге бога Эроса: Повести, рассказы. М.: Олимп – ППП, 1993.
23. Тарковский М. Избранное. Новосибирск, 2014.
24. Нива Ж. Сны в межузельях поэтики Солженицына // Путь Солженицына в контексте Большого Времени. С. 249–255.

17. Rasputin V. Sobr. soch.: v 4 t. V tu zhe zemliu: Povest', rasskazy. Irkutsk: Izd. Sapronov, 2007. T. 4.
18. Bashliar G. Poetika prostranstva. Moscow: Ad Marginem Press, 2014.
19. Nekrasov N. Moroz, Krasnyi nos. Moscow: Amfora, 2011.
20. Epshtein M. Stikhi i stikhii. Priroda v russkoi poezii XVIII–XX vv. Samara: BAKhRAKh-M, 2007.
21. Markova T. Sovremennaiia proza: konstrukttsiia i smysl. Moscow: MGOU, 2003.
22. Petrushevskaia L. Po doroge boga Erosa: Povesti, rasskazy. Moscow: Olimp – PPP, 1993.
23. Tarkovskii M. Izbrannoe. Novosibirsk, 2014.
24. Niva Zh. Sny v mezhuzel'iax poetiki Solzhenitsyna // Put' Sol-zhenitsyna v kontekste Bol'shogo Vremeni. S. 249–255.

Д-р Ковтун Наталья Вадимовна,

профессор кафедры мировой литературы,
заместитель декана филологического факультета
Красноярского государственного педагогического университета
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия

Dr. Natalya V. Kovtun,

Professor of World Literature,
Deputy Head of the Dean of Philological School,
Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia

e-mail: nkovtun@mail.ru

